

ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

ЖЕМЧУЖИНА
ФЕЙРИ
КНИГА 2

18+

Галина Череди́й

Жемчужина фейри. Книга 2

«Автор»

2025

Чередий Г.

Жемчужина фейри. Книга 2 / Г. Чередий — «Автор», 2025

Страшен гнев могущественной Богини, карающей свои зарвавшиеся творения за гордыню и предательство. За то, что стали пешками в чужой жестокой игре. Но когда она решает исправить последствия своей горячности, это также не обходится без неприятностей для смертных. Пусть это даже уже совсем другие смертные. И они совсем не согласны с ее планами. Но кого волнует мнение смертных?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Галина Чередий

Жемчужина фейри. Книга 2

Глава 1

Похоже, я вчера опять умудрился нарваться на вспышку гнева Грегордиана. Другой причины, отчего может так болеть все, в голову не приходит. Не мог же я успеть поучаствовать в какой-то стихийной битве и не в состоянии вспомнить об этом. У битв обычно есть предыстория, причина, а вот у очередного всплеска ярости моего архонта – не всегда. То есть причины-то есть, но ставить никого в известность о них он не обязан и чаще всего этого и не делает. В мире Младших о таком принято говорить «не стой под стрелой». Очевидно, это элементарное правило безопасности я не соблюдал. И вот результат. Ерунда.

Я шевельнулся, сглатывая пересохшим горлом, и заскрипел вместо стоны, поражаясь тому, что в этот раз одним броском деспот, судя по всему, не ограничился. Отделал меня душевно, причем, такое чувство, что не только снаружи. В груди болело так, будто ее вскрыли и все там тщательно размешали в кашу, круша сердце и легкие. Может, все же какая-то перделка жесткая? Ведь с появлением Эдны внезапных вспышек мгновенного бешенства с архонтом почти не случалось. Или это как раз и была его реакция на то, что я вовлек его беременную супругу в... Снежка!

Я с рыком попытался вскочить, но сдвинуться с места не вышло. Вообще пошевелиться, даже глаза открыть.

– Он очнулся, – прозвучал надо мной женский голос. Илва. Ей-то чего около меня нужно? Ее драконеныш тоже где-то поблизости? Еще бы.

Послышались чьи-то шаги, и с моего лица сняли нечто, позволяя наконец хотя бы различить свет и на его фоне темный силуэт.

– Асраи, как ты? – в голосе Эдны нездоровое беспокойство. – Ты меня видишь? Узнаешь?

– Монна Эдна, при всем моем желании забыть твой облик, учитывая, сколько он всего... нового привнес в мою жизнь, вряд ли это возможно. – Что-то вместо обычно язвительного выходил какой-то сиплый скрип. Я старательно моргал, и зрение ко мне действительно быстро возвращалось. А вот способность двигаться – нет.

– Он очухался. Точно, – заявила Эдна.

– Кто бы сомневался, – фыркнул Грегордиан где-то вне поля моей видимости, и я узнал жалобный скрип кресла в моей комнате под его немалым весом. – Устроили тут суету над ним. Этот асраи еще всех нас переживет. Верно, друг мой?

– Верно, мой архонт. Почему, к дварфовой матери, я не могу пошевелить даже пальцем?

– Потому что мы тебя обездвигили для твоей же пользы, – пояснила мне супруга деспота.

– Не понял.

– Чего уж непонятного. Мы застали тебя беснующимся в подвале, около портала в Завесе. Ты натуральным образом пытался убить себя, кидаясь на стены и ревя нечто нечленораздельное. Никого не узнавал и напоминал к тому моменту ходящее кровавое месиво. Зрелище не для слабонервных, скажу тебе, асраи.

– И отнюдь не полезное Эдне в ее положении, – угрожающе проворчал Грегордиан.

– Ерун... – попробовала возразить она.

– Мой архонт, я готов понести наказание за свой проступок. Но не могли бы вы для начала развязать меня, чтобы я имел честь встретить гнев деспота, стоя на своих ногах.

– Если я бы реально гневался, то простоял бы ты на них недолго, а потом пришлось опять отлеживаться. – Резко появившись передо мной, Грегордиан полоснул клинком по ткани, что, оказывается, спеленывала меня от шеи и до ступней.

– Ничуть не сомневаюсь. – Я, кривясь, поднялся, принялся разминать затекшие мышцы.

– А я хочу не ждать, а узнать прямо сейчас, какого проклятого создания это было, Алево?

– Вряд ли я могу дать исчерпывающие пояснения, – признался я. – Не совсем все четко помню с определенного момента.

– Хм... ну так поведай, что было до этого самого момента.

Дану забрала мою ка-хог.

Дану убила мою жемчужину.

Моей Снежки больше нет.

И это исключительно моя вина.

Моей неумной жадности, похоти, эгоизма. Если бы я думал исключительно о ее выживании, то держался бы подальше, а не тащил сюда, по сути преподнося Богине на блюде. Меня не оправдывает то, что мое присутствие улучшало ее самочувствие и отодвигало неизбежный конец. Я его к ней приблизил собственноручно и убил куда как быстрее, чем это произошло бы по естественным причинам. Я тупой заносчивый идиот, думавший лишь о своем удовольствии, и возмнивший себя хитрее всех. Я был таким всегда, ничего нового. Никаких сожалений и раскаяния прежде. И сейчас разве их я ощущаю? Потерю. Я обворован. Жесточайше ограблен. И ярость. Я бессилён это изменить. И даже отомстить.

– Я убил женщину, которую... к которой испытываю... нечто. Я намеренно и без зазрения совести втянул твою беременную жену в авантюру. Прекрасно зная, что поступаю против прямого приказа Богини, пытался спрятать за ее спину эту женщину.

Эдна ахнула, Грегордиан уставился непонимающе. Давай, друг мой, сделай что должен. Покарай в полную силу, ибо я виновен и жажду получить сполна. Лучше уж боль физическая, кровь и сломанные кости, чем то новое, неизведанное, что сжигает меня огнем и кислотой сейчас изнутри. Я не хочу этого. Я заслужил наказание, а не это... такое... слишком... Я не знаю как противостоять подобному.

– Ничего подобного не было! – встала Эдна между мной и деспотом. Ну конечно, вечная защитница и миротворица. – Я сама хотела принять участие в судьбе Альбины.

– Так, я не понял, – нахмурился Грегордиан. – Нас ждут неприятности с Дану? Снова?

– Нет! – синхронно ответили мы с его женой, не сговариваясь. Только она откровенно кривила душой, а я же точно знал ответ.

Богиня получила, что хотела. Смерть полукровки.

– Тебя и твоей супруги это больше не касается, – ответил я. – Миссию по устранению потомков туата и его поимкой и доставкой к ней Дану возложила на меня и Хоуга.

– Ну раз так, то мне в принципе плевать, – пожал широкими плечами Грегордиан.

– Нет, погодите-ка! – уперлась Эдна, поворачиваясь ко мне. – Никому здесь не плевать. Что значит, ты убил Альбину, Алево?

– Да убил и убил, – отмахнулся архонт. – Уже завтра же наш асраи найдет себе новую забаву, да? Тебе незачем забивать этим голову, Эдна.

– Я привел ее сюда, думая, что хитрее Дану. Но она пришла и забрала ее. И убила.

– О господи, Алево! – накрыла ладонью женщина свой рот.

– Немедленно прекрати это, Эдна! Алево, а ты сейчас, и правда, нарвешься! Ты не слышала меня разве, женщина? У асраи таких поводов для чувств по одной на каждый день. А иногда и побольше.

– Нет, неправда! – топнула ногой Эдна. – Я не настолько наивная и слепая, как вы думаете, господа фейри! Я умею разглядеть и отличить, где похоть, а где нечто абсолютно иное!

– Монна Эдна! – решил я свернуть этот балаган. – Ты права, нечто иное и было, но теперь девушки нет, и всему конец. Не убиваться же мне. Мой архонт прав, я быстро утешусь.

– Лги себе, Алево, меня не обманешь! – ткнула она в меня обличающе. – Ты влюблен в Альбину!

Еще чего! Я ее хотел. Как никого прежде. Она меня интриговала и восхищала. Как никто до нее. С того момента, как столкнулся с ней, другие женщины стали неразличимой бесцветной массой для меня. Вообще без комментариев.

– Был! – с максимально доступным напускным цинизмом возразил женщине, что вечно лезет не в свое дело. – Нельзя быть влюбленным в покойницу.

– А кто сказал, что это так? Разве словам вашей чертовой Дану можно верить хоть на столечко?! Разве ты видел Альбину мертвой?

И, вздернув заносчиво подбородок и выставив вперед свой округлившийся живот, супруга архонта прошествовала вон из моей комнаты.

– Между прочим, здравая мысль, друг мой, – ухмыльнулся архонт, отправляясь за женой.

И что, меня никто не одарит щедрой порцией физических страданий, что запросто вышибут муть душевной, абсолютно никчемной боли из меня? Да чтоб тебя, Эдна! Испортила нам архонта, испортила безвозвратно.

Глава 2

Я не дышала. Не дышала, но и не умирала от удушья. Не хрипела, не темнело перед глазами, жизнь не проносилась перед глазами, сигнализируя о своих последних минутах. Что само по себе странно. Еще более странным было то место, где я находилась. Если, конечно, я вообще находилась хоть где-то, а не пребываю без сознания или в коме. Судя по последним запомнившимся ощущениям от прикосновения тетки, что и была, очевидно, кровожадной богиней, которую поминал Алево, это вполне вероятно. Меня, как жука, расплющивало до тех пор, пока не вырубил.

И вот теперь я пребываю в... вязком нигде... Угу, по-другому и не назовешь. Не знаю, как себя ощущает муха, тонущая в сиропе, но это единственное сравнение, что приходило на ум. Я болталась, как подвешенная, в толще этого самого кристально прозрачного сиропа, которым нельзя дышать, но не умирала и не видела абсолютно ничего. Сколько головой ни верти и ни изворачивайся в этой невесомости – ничего. Я потрогала свою грудь, убеждаясь еще и так, что не дышу. Кувыркнулась несколько раз, подтверждая отсутствие хоть чего-то, за что мог бы зацепиться взгляд, и на том и расслабилась. Ладно, я представляла себе смерть как-то по-другому. И что теперь? Я попала в ад? В рай-то очень вряд ли, учитывая «подвиги» при жизни. И в чем смысл моих мук тогда? Пытка скукой и отсутствием вообще всего? Додумать не успела. Меня потянуло куда-то, как если бы я была сухим листом, упавшим в водный поток. Махнула руками в бессилии, накрыло уже настоящим удушьем, и внезапно я вывалилась куда-то, грохнувшись на явно каменный пол.

– Да что за черт?! – возмутилась, садясь и озираясь.

Я думала, что странно было до этого? Ну-ну. А как вам очутиться внутри некоего полого кристалла с миллионами, никак не меньше, граней, в каждой из которых что-то двигалось. И несмотря на то, что я совершенно точно ощущала под собой твердую поверхность, увидеть ее не могла.

– Фигня какая-то, – проворчала я, шаря ладонями по опоре. Камень, он камень и есть. Гладкий, немного прохладный. Невидимый. Подумаешь эка невидаль. – Ладно, плевать. Ау! Есть кто?

– Кто есть, – отозвался звонкий, какой-то почти детский голосок.

Резко повернувшись, я зависла, увидев существо, что, похоже, выпрыгнуло прямоком со съемок какого-нибудь фэнтезийного фильма. Ростом мне едва ли по пояс. С крыльями. Синее. С сотнями тонких косичек разной длины, со сверкающими бусинами на концах, что создавало эффект живого мерцающего каскада. Из одежды только множество многоярусных украшений, прикрывающих причинные места. Да уж, новый уровень экзотики для меня.

– К... классный грим, – хрипнула я, зыркнула вправо-влево, размышляя, где тут чертов выход.

– Да? – Это... синяя девочка шагнула ко мне, явно и искренне обрадованная моей оценкой, и даже чуть раскрыла крылья, демонстрируя их получше. – Тебе кажется? – Ага-ага, на это и вся надежда. Что ты мне кажешься. Но в свете последних событий в моей жизни, надежда эта весьма призрачная. – Мне раньше больше нравилось бы мамурой, но захотелось чего-то новенького.

– Эм... да неужели? – А что еще скажешь в такой ситуации? – Послушай... а ты не знаешь, где тут выход?

Причем желательно, чтобы он вел куда-нибудь в мою нормальную жизнь.

– А ты не хочешь спросить, как меня зовут?

Упс! Лопухнулась ты, Снежка. Психи, они очень обидчивые бывают.

– О, прости. И как же?

– Я не могу тебе сказать. Дану не будет довольна тем, что я вытащила тебя из толщи Завесы. Так что будет лучше, если ты не сможешь обличить меня в проступке, назвав имя.

– Даже если и могла бы, я тебя сдавать этой Дану не собиралась. Я от нее так-то не в восторге.

– Я скучаю по Эдне, – неожиданно ляпнула собеседница. И при чем тут это? – Дану запретила с ней видаться. Но я ее слышала. Она просила за тебя.

– О... ну спасибо ей. Мне она показалась хорошим человеком.

– Не человек, – дернула по-птичьи головой синяя кроха, будто сердясь, что я не понимаю таких очевидных вещей. – Но хорошая. Она всегда разрешала мне заниматься ее волосами. А ты разрешишь?

Она подалась ко мне, пошевеливая алчно тонкими пальцами, и я с огромным трудом заставила себя не шарахнуться.

– Да у меня что тех волос-то, – промямлила, опять заозиравшись.

Зацепилась взглядом за изображение в одной из тысяч внутренних граней кристалла, в котором мы были заперты, и приморозило к месту. Там, как на экране с высокой четкостью, разыгрывалась натуральная порносцена. И пофиг бы на это, есть дела понасущнее, чем пялиться на чьи-то сексуальные игрища, но вот одним из участников был засранец Алево. Я дернула головой, вынуждая себя отвернуться от картинки, демонстрирующей мне миленький тройничок с его участием. Но наткнулась на еще одну. Опять Алево, хоть и дама другая. Скользнула взглядом по остальным чудо-экранам. Везде он. Он и женщины. Блондинки, брюнетки, рыжие... существа только условно напоминающие людей и опять же он. И повсюду секс-секс-секс. Гримасы экстаза, дрожь, рты распахнутые в немых криках наслаждения. Тысячи и тысячи осчастливленных белобрысым засранцем? Оу, а вон и я. Такая же потная, пьяная от наслаждения. Такая же, как все.

– Это что за экраны? Где... когда это записано? – поражаясь внезапному приступу неуместной сейчас злости, потребовала ответа у... блин, а этой девчонке разве уже можно смотреть на такое?

– Ах, да, я забыла, – моя фэнтезийная собеседница, похоже, пребывала на своей волне, моих вопросов не замечая, – ничего не выйдет с волосами.

Я не хотела, но глянула снова на... черт, на месте порнушки с участием Алево и всех его баб, включая меня, были теперь картинки всевозможных невиданных существ. Прекрасных или жутких, но все они занимались одним и тем же: терзали, рвали, заживо пожирали кого-то. И я сроду такого не видела и с удовольствием разувидела бы сейчас.

– Эдна просила, но я ведь не могу то, о чем она просит. – Меж тем продолжился не обремененный никакой логикой монолог чокнутой синявки.

– А что она...

– Не могу. Я не могу ничего сделать сама. – Так, ясно, судя по всему, синенькая совсем кукухой поехала.

– Э-э-э... послушай, а кто-то еще тут есть? Взрослые?

– Не могу помочь. Не могу защитить. Но ведь ты можешь и сама. Да?

– Малышка, как насчет все же сказать мне, где здесь выход?

– Выход... да... Просто выйди.

– Что? Куда идти?

– Куда придешь, – с радостной улыбкой ответила малявка с однозначно свистанувшей флягой.

– Блин, да что за ересь?!

Она обдолбанная? Я не стукачка, но ей-богу, когда (если) выберусь отсюда, то найду способ вломить тем, кто накачивает дурью девочек-подростков. Похрен, что синих.

– Эй, послушай, куда идти? Просто укажи направление, окей?

– Направление твое. Иди. Быстрее! – последнее она буквально взвизгнула. – Она возвращается!

– Да ну мать же вашу! Что за дурдом! Здесь некуда идти!

Развернувшись, я прошагала к стене из граней-экранов, в которых пестрела-кишела всякая всячина, и уперлась в преграду, демонстрируя синей дурочке, что выйти нель...

Мои ладони просто провалились насквозь, будто никакой преграды, и правда, не было. И учитывая, что я с психу приложила достаточно сил, то начала с криком валиться куда-то. Слепота, удушье, жар-холод-ветер-неподвижность-полет, и хлопбысь! Я влетела в воду, ударившись о нее чуть ли не как об асфальт. Больно-то как! Отчаянно забив руками и ногами, вынырнула на поверхность, хапая воздух и заморгала, щурясь от чрезмерно ярких цветов. Ослепительного солнца, интенсивной синевы воды и бронзового сверкания чешуи монстра, что медленно поднимал из волн свою башку, размером с малолитражку, пляясь на меня огромными золотыми глазищами.

Глава 3

Я несся по городу, нарушая все человеческие правила, и все равно имел все шансы опоздать. Ворвавшись в здоровенный, забитый безвкусной роскошью дом, владельца которого я «убедил» отдать его мне, дабы сделать ловушкой для Снежки, бегом бросился по клятым, чрезмерно длинным коридорам. Жалкий человечиска, чинуша, проворовавшийся до мозга костей, возомнил себя достойным жить чуть ли не во дворце, вот и понастроил... Учись истории, гробницу себе строй такую же, с вашей продолжительностью жизни – самая нужная вещь.

– Эй, ты! Как тебя там? – закричал мне в спину выскочивший откуда-то подельник моей ка-хог. Бывший подельник. И не потому, что ее больше нет. – Эй, я к тебе обращаюсь! Где Снежка? С ней в порядке все? Она сильно поранилась?

Достаточно сильно для того, чтобы у меня сейчас была надежда и способ дотянуться до нее. И почему это ты шляешься по дому бесконтрольно?

Конечно, в комнате, что я выбрал для нас с жемчужиной, никто не убирал. Ведь всю прислугу я велел удалить из дома, готовясь к поимке моей беглянки. Но, имея дело с нашей Богиней, можно ожидать чего угодно. Даже в буквальном смысле исчезновения всех следов существования Снежки. Торжествуя оскалился, увидев множество не затертых моими же ногами, засохших капель ее крови.

– Какого черта ты меня игнорируешь? – смазливый брюнет протянул свою конечность, чтобы схватить меня за плечо, требуя ответа, но я перехватил ее, резко вывернул, разворачивая этого идиота, и с силой толкнул его лицом в стену.

Характерный звук сообщил мне, что форму носа я ему точно изменил. Брюнет рухнул на пол, я вернулся к своим делам.

Метнулся в ванную, схватил баночку с каким-то косметическим средством, под сильным потоком выполоскал все содержимое и тщательно протер. Выхватив из сумки кинжал с тончайшим лезвием, упал на колени и принялся соскабливать каждую каплю с пола, вырезать ворс там, где он был испачкан кровью Снежки. Собрал все до последнего ватные диски, которыми промакивал ее раны.

Безымянный артефакт для поиска в пространстве грез буквально жег мне карман. Но я все равно еще с особой тщательностью обшарил здешнюю постель, выискивая каждый отливающий роскошным перламутром короткий волосок. Набралось их аж двенадцать, и я зарычал от радости, но тут же всего скрутило и от той самой ненавистной боли. Эти волоски и будут всем, что мне останется, если... Прочь!

Я захлопнул двери, забаррикадировал их для верности, придвинув огромный комод, потому как не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, чем займется дремлющий криминальный псевдогений, как очнется, и взялся заряжать магическое приспособление. Причем, особенно не транжирил добытый материал. Мало ли, сколько раз мне придется пытаться. Ритм суток в мире Младших не совпадает с нашим. И это меньшее из препятствий. Для того, чтобы застать Снежку спящей, может понадобиться множество попыток. И нет, к дварфовой матери это жалкое «если это вообще возможно».

Для верности я еще и свернул из бинта подобие беруш и заткнул уши. Напаялил на голову сложное плетение из тончайших золотых цепочек, располагая центральную, заряженную кровью моей ка-хог часть посреди лба. Улегся на кровать, зажмуривая глаза и представляя Снежку, вспоминая всю, до мельчайших подробностей. Все эти чуть сглаженные, будто слегка подростковые, изгибы, ничего избыточно щедрого. Призрачно-розовый цвет ее сосков и рта, сочной мякоти между губами ее женственности. Туманно-сиреневые радужки глаз, неповторимый, неопиcуемый оттенок. Нервную полупрозрачную изящность пальцев, которыми она

умела так требовательно впиваться, будто погружаясь в глубь моих мышц, пробираясь сквозь плоть куда-то много-много глубже. Шелковистый перламутр волос, которого не добиться ни одной краской, белоснежную сладость кожи, от вида и вкуса которой я возбуждаюсь, как юнец.

«Проклятье!» – прорычал, осознав, что, видимо, перестарался с тщательностью воспоминаний, учитывая, что на тело накатило тяжелейшей волной похоти. Ну точно как мальчишка: во рту сохнет, поясницу, бедра, пах пронзает импульсами, член отяжелел и рвется из плена одежды в поисках жаркой влажной сладости, которой тут нет. Возможно, стоило бы вспоминать нечто другое, не столь возбуждающее? Но где мне взять иные картинки в своей голове, ведь Снежка будила во мне мощнейшее вожделение с первого же взгляда и каждый раз, когда думал о ней, видел ее. Любое мое воспоминание о ней окрашено жадой обладания, где же взять другие?

Я ведь ничего толком о ней не знаю, кроме того, что они с подельником промышляют кражами всяких редкостей на заказ, что она самое экзотичное и прекрасное существо лично для меня, и что я ее хочу. Хочу так, что готов пойти за ней куда угодно. Готов вот использовать артефакт с малоизвестными свойствами, который, кстати, устроил деспоту то еще веселье с переживанием всех симптомов токсикоза Эдны на своей шкуре. Что может ждать меня? Если все же моя жемчужина мертва? Просто не сработает? Или меня ждет путешествие в мир мертвых? Люди верят в некую жизнь после смерти. Фейри признают возможность посмертного существования, если только что-то привязывает душу, например, то же самое полное супружеское слияние, что нерушимо даже смертью. Да плевать, что гадать! Мне никогда не уснуть и не узнать правды с такими мыслями.

– Жемчужина моя, давай-ка отзовись! – сказал в своей голове под аккомпанемент грохота пульса. – Мне знать нужно, куда идти за тобой.

Если уж все обернется совсем плохо... Ерин, мабон мой, прости, не повидались под конец, но ты взрослый мужчина почти и воин, поймешь. Грегордиан, друг мой и повелитель, служил честно я тебе сколько мог. Но у тебя теперь есть эта сующая во все свой нос и достающая долбаной справедливостью и милосердием Эдна, что справляется с твоим вразумлением и умиротворением гнева куда лучше меня. Обойдешься без меня. Эдна, ты невероятно раздражающая, упрямая, несносная, язвительная и самая восхитительная, после Снежки, женщина в двух мирах. Надеюсь, тебя не слишком обрадует избавление от меня. Боюсь, деспот не одобрит, если ты родишь раньше времени от счастья. Илва, сосулька ты ходячая, надеюсь, мне удалось вдохновить тебя на сексуальные исследования, и хочется верить, что Раффис не помрет, их дожидаясь, или в процессе. Ну серьезно, если ты будешь запрягать так долго, парень имеет все шансы скончаться от спермотоксикоза, а он так-то неплохой, хоть и ящерица. Дай ты уже ему...

Ощущение стремительного движения заставило распахнуть глаза как раз вовремя. Меня с жуткой силой внезапно вмазало в какую-то незримую преграду, похоже, разбивая все кости, а потом вышвырнуло из области грез, куда сам не понял когда провалился.

Я орал и царапал себе грудь, ибо болело дико. Куда там деспоту с его вспышками! Сейчас мне не просто казалось, что я весь изломан, но и что легкие заполнились некой вязкой субстанцией, не дающей сделать вдох. Скатившись с кровати, я долго кашлял, избавляясь от этого жуткого ощущения и при этом злорадно-довольно скалился между приступами. Ведь в самый последний миг, всего долю мгновения я видел Снежку. Да, это было всего лишь пятно яркого жемчужного сияния в невообразимой дали в неизвестном пространстве без всяких ориентиров. Но я его видел. И могу поклясться, что сияние это было живым. Оно должно быть живым.

Неожиданный удар в бок уронил меня на пол, заставляя врасплох. Перевернулся и тут же сверху на меня прямо-таки рухнул дебил, подельничек Снежки. С перекошенным от ярости лицом в размазанных кровавых потеках он приставил здоровый кухонный нож к моему горлу и безмолвно что-то проорал мне в лицо. Смотри, какой неугомонный, да еще и эти проклятые затычки.

Глава 4

Огромные, никак не меньше хорошего такого блюда, зрачки монстрозмея фокусировались на мне не спеша. Причем независимо друг от друга, будто ему было нелегко концентрироваться на чем-то столь мелком, как я, что можно было бы счесть забавным, если бы в самом моем положении осталась бы еще способность веселиться. А так очутиться черт знает где, еще не оклемавшись от удара об воду, болтаться над бездной воды, в которой бог его знает кто еще водится, перед носом у зубастой громадины, что вряд ли окажется вегетарианцем... Не до веселья. Не с моим везением, которое я, по ходу, все исчерпала в наших удачных с Коксом вылазках за чужим добром. Да уж, Кокс, дружище, прощай. Пусть тебе повезет с новым напарником. И ты, великолепный секс-маг Алево, со своей кожаной волшебной палочкой... палицей, прощай. Ма-а-а-а-а! Вот что в голову перед смертью лезет-то? Это что, мне и вспомнить, кроме краж и супертраха, о своей жизни нечего? Ну не детдом, годы оскорблений из-за внешности, включая собственных кровных родных, и болезнь мне вспоминать.

Я старалась держаться на воде почти неподвижно, только чуть-чуть шевеля руками и ногами, чтобы не тонуть. Авось змеюка, что наконец перестала подниматься из воды и застыла надо мной башней, сочтет меня мусором каким-нибудь. Или дохлятиной. Я ведь она, по сути, и есть. Надеюсь, это чудище брезгливое. Ан нет.

Где-то там, в десятке метров надо мной, распахнулась пасть, полная кошмарных зубищ, и голова змеюки устремилась ко мне. Вот тут я уже наплевала на осторожность и логику, завизжав истошно, заколотила по воде, силясь уплыть. Паника не мешала осознать, насколько это бесполезно, но погибать, так хоть шумно.

Колотила руками, гребла, зажмурившись, ожидая боли, но вместо этого меня оглушило таким ревом со спины, что, кажется, и вперед бросило звуковой волной. Вокруг забурило, и я обнаружила, что буквально окружена огромным телом змея, а сверху нечто закрыло весь небосклон. Видеть ничего не получалось, отовсюду лупили резкие порывы ветра, бросая в лицо брызги, монстр бился, меня швыряло, топило, из ушей кровь пошла из-за адских воплей. Нет, не из ушей! Это вся вода вокруг меня стала кровью! Вырваться из этого водоворота безумия не выходило, сколько ни рвалась, силы стремительно таяли.

Внезапно мне на голову рухнула какая-то тяжесть, топя окончательно, но в следующее мгновение черепушку сжало жутко и рвануло вверх так, что она чудом не оторвалась. В глазах фейерверк, боль за гранью. Отпустило, секунда свободного падения, и жесткий захват вокруг тела, останавливающий полет вниз и, судя по невозможности вздохнуть, сломавший пару ребер. Сознание начало уже ускользать, когда все вокруг закувыркалось, заухало, захлопало, и перед тускнеющим взглядом понеслась со страшной скоростью водная гладь.

В себя привел новый удар. Теперь уже об землю. Судя по всему, кто бы там и куда меня ни тащил, он бросил меня без всяких церемоний. Звук, очень напоминающий хлопанье гигантских крыльев, прекратился, меня окатило мелким мусором и песком. Со стоном я перевернулась на спину и принялась моргать, пытаюсь вернуть четкость зрения.

– Господи, а нельзя с людьми поделикатнее обращаться, – проскрипела я, начиная что-то видеть. Местность прямо как с картинки о тропическом рае. Пышная зелень, яркие до боли цветы, в нескольких шагах море ласково накатывает на бережок с белым песочком. Но при воспоминании, что водится в этом море и что творилось, мое нутро скрутило тошнотой.

– Вообще-то, фейринская блудница, я бы на твоём месте в ногах у меня валялся за то, что снизошел к тебе прикоснуться, чтобы спасти, – пророкотал незнакомый мужской голос неподалеку.

Глянув туда, я увидела мужика. Кожа темная, эдакий молочный шоколад, волосы длинные, светлые, белые, почти как мои, глаза интенсивно лазурные, чуть не светятся. Голый. Сидит на корточках, все добро напоказ, пялится на меня без особого дружелюбия, но с любопытством. Я как раз дошла в рассматривании до... того самого, как мой желудок окончательно взбунтовался. Едва успела вскочить на четвереньки, как начало выворачивать. Морской водой впере-мешку с кровью чудовища, в ней растворенной. От понимания, что это было в моем желудке, скрутило еще жестче.

Незнакомец нахмурился и скривился.

– Не принимай на свой счет, – чуть отдышавшись, попросила я, утирая губы. – Меня крайне редко тошнит от вида голых мужиков, хоть я и предпочитаю, чтобы при первом знакомстве они были в штанах. Интрига хоть какая-то, понимаешь?

– Ты рехнулась с перепугу? – нахмурился незнакомец. – Говоришь как-то чудно. И с каких таких пор фейринских шлюх стала смущать мужская нагота? Тем более таких, как ты.

– С какого такого я шлюха? – возмутилась, устало садясь на песок и уставившись на хама зло. – И каких это «таких»?

– Ты разве дева нетронутая? – презрительно фыркнул наглец, поднимаясь. Сложен потрясающе, конечно, но знаю я кое-кого, с кем ты и рядом не валялся. И шлюхой он меня не называл. Много чего в горячке нашептывал, было. – Я еще нюх не потерял. И слышал я, что такие, как ты, особенно ценятся у этих сластолюбцев, бесстыжих асраи, и они готовы щедро одаривать ка-хог, чтобы заполучить в свою постель. Хотя что в вас такого... ну, кроме экзотики... Так что хватит притворяться возмущенной. Я готов принять твою благодарность за спасение в виде ублажения моего тела. Конечно, возлечь с тобой будет осквернением для меня, но никто ведь не узнает.

– Воз... что? Сдурел? С какой такой стати? – Я стала отползать на всякий случай, стараясь не пялиться напрямую на его хозяйство, что явно уже демонстрировало готовность... хм... возлечь.

– Я дрался с радужным змеем из-за тебя! – шагнул озабоченный псих ко мне, преследуя. Дрался со змеем? Он? Это как собственно...

– Спасибо огромное от всей души. Честно. Но это совсем не значит, что...

– Хочешь плату? – перебил он меня, резко подаваясь вперед и нависнув над головой. Глазами уже прямо жрет, дышит шумно – приперло мужика, судя по всему. Но это, блин, не мои проблемы! – Подарки? У меня есть чем одарить тебя, блудница.

– Я хочу домой!

Он кинулся ко мне, хватая за лодыжки. Сам нарвался. Я загребла песок и швырнула мужику в глаза. Он взвыл, отпустил меня, я лягнула его с двух ног и вскочила. Спаситель озабоченный рухнул на спину, а я побежала прочь. Ну как побежала. От резкого изменения положения тела меня повело, и скорее заковыляла, борясь с новой волной тошноты. И тут меня сбило с ног точно такой же звуковой волной, что оглушала в море. За спиной нечто взревело, и тут же в воздух подняло песок, листья, мелкие ветки. Заслонившись ладонью, стоя на коленях, я оглянулась и чуть не завопила от ужаса. На берегу размахивал крыльями, издавая тот самый рев... дракон. Клянусь! Рогатая башка на длинной шее, когтистые лапищи, зубастая пасть, серо-стальная чешуя и глаза цвета интенсивной лазури, что пронзали меня сейчас полным гнева и точно разумным взглядом.

– Вот это лютый прям пипец, – пробормотала, осознавая, что убежать вряд ли выйдет. Но я буду не я, если не попытаюсь.

Глава 5

– Ну, допустим, я поверил в этот бред про другой мир, – идиот, не способный усвоить, кто тут сильнее и быстрее, шмыгнул сломанным теперь уж точно мною носом и запрокинул голову, стараясь остановить кровь. – Только я ни хрена не понимаю, какого ты тут развалился и харю спать примащиваешь, вместо того, чтобы сломя голову ломиться к Снежке туда и спасать.

Своим вероломным нападением он заработал самую малость моего уважения. Во-первых, упрямство и беспринципность в достижении своих целей – это очень в натуре асраи. И ловкий же какой оказался, мерзавец. Это же надо было после такого славного удара об стену физиономией забраться без всяких приспособлений по стене и вскрыть окно снаружи. И никаких жалоб на то, что схлопотал опять по уже травмированному носу лбом (а это больно, очень, уж я знаю), и в наглых карих глазах ни капли смирения и признания моего однозначного превосходства. Там только «ладно, не вышло, попробую что-то еще». Во-вторых, и это не имеет никакого отношения к природе асраи и фейри в принципе, меня до отвращения впечатляла эта его преданность моей ка-хог и забота о ней. Это однозначно тлетворное влияние Эдны на меня, никак иначе. То, что я большую часть жизни готов умереть за моего архонта в первую очередь и друга во вторую, тут вообще ни при чем. Все именно так.

– Я не развалился, примитивное ты создание, а стараюсь с помощью некоего магического артефакта установить с ней связь, выясняя, жива ли вообще Альбина.

– О, ну да, валяться в койке и выяснять – куда как важнее, чем идти и спасать, – наглец презрительно глянул на артефакт в моей руке и скривился. – И кстати, она прям терпеть не может, когда ее Альбиной называют. Но ты не заслуживаешь даже этой информации.

– Я ничуть не обязан ничего тебе объяснять, но считаю, что от тебя может быть польза, и поэтому снизойду. Я не могу попасть в свой мир, где сейчас и пребывает предположительно моя жемчужина, потому как наша Богиня желает заполучить ее отца. Живого. И до того, как я не выполню ее повеления, проход через Завесу для меня невозможен.

– Неудачник.

– Тебе бы помолчать. А то так можно и скончаться внезапно и на пустом месте от очередной травмы носа. Он и так никогда уже не будет у тебя прежним – я свое дело знаю.

– Да плевал я, – фыркнул мой раздражающий собеседник. – Невозможен в принципе или только для тебя?

– Для меня и парочки асраи, получивших от Дану сие указание. – И зачем я ему это объясняю? Трачу время впустую.

– Ну окей, тогда почему бы тебе не показать мне, где тут проход, портал или как там бишь эту херню зовут, в ваш мир, – хлопнул с нарочитой бодростью себя по коленям и поднялся, впрочем, тут же шатнувшись к стене мне на радость. Приятно видеть результаты своих действий, приятно, а ему полезно, чтобы знал, на кого прыгать не стоит, кого нужно признавать сильнейшим по умолчанию и кому внимать с благоговением. – И можешь и дальше тут предаваться магическим постельным практикам, а я пойду и спасу мою Снежку.

Ну-ну, пойдешь, конечно, как только дверные проемы у тебя в глазах перестанут двоиться.

– Ты знаешь, с удовольствием бы показал. Но дело в том, что когда Я ее спасу, то совершенно не хочу тратить наше время и ее внимание на сожаление о твоей почти мгновенной кончине в нашем мире. Потому как ты вряд ли там протянешь больше суток. Максимум – день до сумерек. Но, с другой стороны, я ведь всегда могу соврать не моргнув и без капли угрызений... как там ее бишь? А! Свести, что знать не знаю, куда ты делся и что с тобой. В мир Младших мы при всяком раскладе не вернемся, она уж точно, так что давай, вперед, оста-

нешься исключительно воспоминанием. Хотя нет, я буду так качественно ублажать Снежку, что забудешься ты почти сразу.

– Врешь как дышишь ведь, – огрызнулся болезлый.

– Желаеть проверить?

– Желаю увидеть Снежку снова живой и здоровой. Чё там и как с остальным – посмотрим еще, как и то, чья она.

– Она. Моя. Все. Усвоишь со временем или умрешь, – пожал я беспечно плечами. – А что касается увидеть живой и здоровой, то тут наши желания полностью совпадают. Поэтому предлагаю сотрудничество для мо... пользы дорогой обоим женщины. Я возвращаюсь к, как ты их невежественно и нисколько не уважительно назвал, постельным магическим практикам, чтобы во сне найти наконец мою жемчужину, и у нас были четкие ориентиры, где она и что с ней. А ты займешься поиском в этом вашем интернете следов ее поганого папаши-туата, после того как я тебе дам все нами собранные сведения о нем. Затем мы отдаем Дану фейринского донора спермы, я получаю доступ через Завесу и иду за...

– Мы идем! Только так!

– Идиот, ты будешь балластом. Есть некоторые тонкости для передвижения людей, впервые попадающих в наш мир.

– Не гони мне, умник, я тебя насквозь вижу!

О, да неужели?

– Странные вы люди: врешь вам – верите, а правду говоришь – нет.

– Не заговаривай мне зубы! Мы идем за Снежкой вместе. В ваш мир, типа волшебный, или еще куда.

Или что? Зальешь меня своей кровью, человек? Да и ладно, ничто не мешает обмануть тебя потом. А сейчас пусть верит, что возьму и даже что шансы какие-то есть у него претендовать на внимание ка-хог. Наивный парнишка. Но пусть себе верит и работает и не мешает мне своими идиотскими наскоками тоже заняться делом.

Глава 6

– Ну, послушай, я вспылел, извиняюсь. Выходи, и поговорим нормально. Меня зовут Мертис. Назови мне свое имя, ка-хог.

Каким-то чудом мне удалось скрыться от бешеной чешуйчатой твари. На мою удачу, практически за первыми деревьями на берегу попало большое нагромождение валунов серовато-голубого цвета, и я ухитрилась проскользнуть в щель между ними, спасибо моему прежнему воровскому опыту. В этом укрытии можно было только лежать или сидеть скрючившись, поджав ноги к животу, воняло сыростью и грибами, но озабоченный дракон достать меня не мог. Физически. Зато компенсировал это, доставая словами уже не первый час.

– Я не хотел тебя пугать, клянусь! – И не надоест же ему. – И ни за что бы не навредил, слово даю! Обернулся случайно, больно же песком в глаза. Разве нельзя было просто сказать, что ты не готова отдаться мне, не получив плату вперед.

– Отвали от меня, маньяк! – огрызнулась, ощущая, как знакомые симптомы, а с ними и паника, наваливаются на меня. Медленнее гораздо, чем обычно, но, однако же, не узнать эти изменения в восприятии и боль, что пока как будто пристрелочно облизывала мозг и отступала, невозможно. Очень скоро я буду валяться тут, скорее всего, завывая и корчась, а мои лекарства, что могли хоть немного это облегчить, даже не в одном со мной мире. И Алево с его волшебной кожаной палкой-оздоравлилкой неизвестно где. Увижу ли я его еще? Увижу ли я вообще еще хоть что-нибудь и кого-нибудь?

– Ну что за странные слова ты используешь! Я их не понимаю! Скажи лучше, блудница ка-хог, какие подарки ты предпочитаешь? Золото? У меня его столько, что ты вряд ли видела больше у своих прежних любовников. Редкие камни? У меня есть такие, что ты не сможешь оторвать от них алчных глаз. А еще настоящие ткани, лучшие вина скогге, и даже драконий чад высшего качества. Я могу купать тебя в роскоши...

– Отстань же! – простонала я и зажала уши, скрючиваясь на сыром полу моего убежища. – Одари меня заткнувшись, блин!

– Эй, ты что там стонешь, что ли? Плачешь? Не веришь, что не наврежу? Ка-хог, я знаю о моих соплеменниках повсюду идет молва, что мы дурно обращаемся с любой женщиной, что не девственна и не наша единственная, но я не такой! Клянусь тебе каждой чешуйкой на своей шкуре, что никогда не обидел ни одной женщины и мне нет дела до того, невинна она или нет! Да кому они вообще сдались эти непорочные девы, с которыми следует носиться, как с сокровищем?! Мне куда как больше по вкусу сладкие и щедрые на ласку блудницы вроде тебя.

Господи, да что же он заладил с этой блудницей! Вот не было бы так плохо, уже поржала бы в голос. Но сейчас я могла только глухо простонать, пережидая очередную волну боли и тошноты.

– Не веришь, – продолжил свой вдохновенный монолог оголодавший без интима рептилоид. – Признаю, я бы на твоём месте тоже сразу не поверил. Ты, конечно же, спросишь, как же это я могу и вправду покупать внимание продажных женщин, раз уже обрел свою единственную? – Нет, черт возьми! Нет-нет-нет, не спрошу, потому как плевала я на это триста раз. Заткни-и-и-и-ись! – Думаешь, что хитрю и хочу на самом деле навредить тебе, а не совкупиться, да? Но открою тебе страшную тайну моего племени: далеко не все из нас уживаются со своими единственными после снятия печати и уж точно не все хранят им верность. Я знаю, драконы любят кичиться своей моральной чистотой, но это сплошь и рядом только слова, а сами они похотливы, как уриски в сезон гона. Для чего, думаешь, при домах почти каждого состоятельного драконьего клана построены покои стыда? Там содержат доступных женщин:

вольных блудниц и рабынь, захваченных в землях фейри. Не принято говорить об этом, но все в государстве драконов знают.

Проклятый придурок все болтал и болтал, удерживая мое сознание на острой, режущей его грани, не давая мне соскользнуть в забытье, куда я уже безумно хотела провалиться.

– Господи, ну почему ты не можешь просто заткнуться, а?! – зарычала я сквозь зубы. – Да срать мне на особенности гребаной сексуальной жизни твоих сородичей! Просто заткнись! Завали хлебало! Захлопни, мать ее, пасть! Перекрой чертов фонтан! Останови эту словесную диарею! Сделай что угодно, просто пусть станет тихо!

– Ты по-прежнему несешь какую-то ахинею, из которой понятно лишь то, что ты не готова со мной общаться. Упрямая блудница! Ты хоть знаешь, когда я говорил с кем-то последний раз? Десятки дней назад! А как давно не наслаждался женской лаской? Месяцы! А я дракон! А ты – жестокая, упрямая фейринская девка, что не желает облегчить моих мук. Ну и сиди тогда там, пока не одумаешься!

Сверху зашуршало, и посыпались камушки и грязь.

– Мы на острове, ка-хог, а остров этот вдали от всех торговых путей, и биремы фейри тут почти никогда не плавают. А если и приплывут, то им же хуже – команда пойдет на корм радужным змеям и прочей водной живности, а их груз пополнит мои богатства. Никуда отсюда ты от меня не сбежишь, так что сиди там и думай, как так меня ублажить получше, чтобы я тебя обратно в море не выкинул.

И он, наконец замолчал. Я даже тихо заскулила от облегчения и тут же провалилась в беспамятство.

Но даже там тишины и покоя мне было не видеть.

– Юдовы вонючие копыта! Почему же так долго, жемчужина моя! – раздался в бессознательной темноте встревоженный голос моего секс-кудесника. – Скажи мне, где ты!

– Хм... без сознания, – сообщила невидимому ему самые точные координаты в этом безумии. И вообще-то обычно это мое состояние является абсолютным провалом в никуда. Никаких голосов, запахов, ощущений и посетителей, задающих вопросы.

– Драгоценность моя, ты цела? Не пострадала? Почему без сознания, а не просто спишь? – голос Алево стал ближе, будто он очутился у меня прямо за спиной. Я даже поежилась от предвкушения дуновения его дыхания на моей коже.

Попробовал бы ты просто уснуть под басовитую трескотню озабоченного ящера. Тут и в отключку провалиться удалось далеко не сразу.

– Потому что у меня начался приступ.

– Ты уверена? Ты ходила по земле сама? Ела уже что-то? Где конкретно в моем мире ты находишься?

– Что за вопросы такие странные? Хотя... – Алло, я на полном серьезе говорю со своим любовником, что остался в другом мире, пребывая в болезненном бреде, и удивляюсь странностям?

– Альбина, отвечай мне! – потребовал Алево.

– Я не ела. И не ходила. Ну почти, если не считать бегство от чокнутого домогающегося дракона и несколько шагов в той непонятной штуке с сотнями экранов, продемонстрировавшими мне все разнообразие твоих партнерш и обилие сексуального опыта. И должна сказать, что ты невероятно эпичный кобелина, Алево.

Внезапно разозлившись, я взбрыкнула, желая отчего-то от души врезать похотливому невидимому блондину, что мне и поумирать спокойно не дает, а заодно и выясняя свое положение в этом бредовом пространстве.

Изначально оно ощущалось как некая упругая вата, что ли, окружающая и поддерживающая со всех сторон. Но неожиданно все поменялось, и я почувствовала раздражающего мерзавца Алево. Так, словно это теперь он окутывал меня всю, касаясь и бесстыдно лаская.

– Ну-ка, про домогающегося дракона давай поподробнее, жемчужина моя! – Его голос – гремучая смесь взбешенного шипения и угрожающего глухого грохота. – Насколько он преуспел в своих домогательствах? Сейчас, когда ты без сознания, он где?

– Надо же, я упомянула, что видела тебя, наверное, с сотней женщин, а ты почему-то заинтересовался одним единственным мужиком.

– Потому что этот мужик покушается на то, что мое!

– Это ты обо мне? Я твоя? А сколько точно таких твоих?

– Альбина, ты тратишь бесценное время нашего общения на абсолютно несущественные вещи.

– Зная, сколько обычно длятся мои приступы, у меня этого времени вагон. Так почему бы не поговорить о нас, то бишь этих самых «несущественных вещах», а главное – их количестве. Или что, на полный список и всего времени мира не хватит, Алево?

– Не преувеличивай.

– О, да ладно, не ломайся, блонди, хотя бы примерное число! Ну плюс-минус сотня-другая! – Я буквально всей кожей чувствовала его нервозность, и это подогревало мое желание дразнить его. Черт, почему раньше мои приступы не протекали столь же увлекательно?

– Хорошо, я обязательно постараюсь удовлетворить при встрече в том числе и твое любопытство, помимо остальных потребностей, моя ка-хог, а сейчас давай займемся вопросом твоего выживания. А для этого вернемся к чешуйчатой скотине. Чем он занят сейчас, когда ты беспомощна?

– Очевидно, все еще бродит вокруг и нудит о том, какая я жестокая и бесчувственная фейринская блудница, раз не согласилась отдаться ему и с ходу, и за все предложенные сокровища.

– Сколько?

– Что?

– Сколько и чего он тебе предлагал? – В коконе, окружавшем меня, стало жарко, словно тот готов был воспламениться, но при этом и необыкновенно комфортно. Я даже растянулась во весь рост, прогибаясь в пояснице, и чуть не замурлыкала. – Не важно! Сколько бы он ни предлагал, я дам все равно больше, слышишь? В сотни раз больше! Я утоплю тебя в роскоши, как только доберусь, но не смей поддаваться на его уговоры и посулы!

– Тебя чего так понесло-то, фейри? – все же мурлыкнула, расплывшись в довольной ухмылке. – И надо же, как технично ты опять соскочил с вопроса о своих многочисленных сексуальных свершениях, великий вагинопроходец, на меня и обстоятельства меня окружающие.

– Потому что обстоятельства, тебя окружающие, несоизмеримо важнее сейчас, ибо от них зависит твоя жизнь, моя ка-хог. А мои... хм... свершения – они были. Были, жемчужина, и на этом все. А теперь давай быстро, но внятно и по порядку расскажи все, что произошло с тобой с того момента, как Дану забрала тебя.

Я снова ухмыльнулась и потянулась, купаясь в его всеобъемлющем присутствии, как в теплом источнике, дарящем море наслаждения, и так рассказала.

Глава 7

Ревность. Почти совершенно забытое ощущение, не эмоция даже, настолько давно я ее переживал до встречи с моей ка-хог. Я не могу и вспомнить лица монны Айлы, в отношении которой ее испытывал в бытность моей ранней и очень давней юности. Моя первая любовница. Неверная, коварная, как и почти все монны-асраи. К счастью, я почти мгновенно осознал, что за силу имеет мой врожденный дар соблазнения, и мигом утешился, поняв, что новая женщина каждый день куда как приятнее и увлекательнее, нежели смехотворные страдания жалкого влюбленного по одной и той же изо дня в день. Вот так и жил. До того, как на жемчуге не поскользнулся и всерьез так всем организмом повредился.

Но сейчас я оттолкнул все эмоции в сторону, освобождая разум для одной цели: максимально оценить, в каком положении очутилась моя Снежка и как я могу ей помочь до того, как появится возможность быть рядом и лично оберегать от всего.

Итак, исходя из ее рассказа, выходило, что, похитив Снежку у меня, Дану поместила ее в некое место, скорее всего пребывающее где-то в загадочном пространстве Гамады. У фейри считалось, что мы пересекаем его каждый раз, когда проходим сквозь Завесу, и оно суть – абсолютная пустота, измерение, где могут существовать только божественные сущности. Но, очевидно, это не совсем так, учитывая то, что видела Снежка. Конечно, это все могло быть лишь иллюзией, но сейчас не суть. Главное, что в это неизвестное место, где зачем-то моей ка-хог были продемонстрированы мои реальные – или же нет – сексуальные похождения (смысл этого действия нужно непременно обмозговать позже, ибо ничего наша великолепная, пропади она пропадом, Богиня, не делает просто так), явилась, очевидно, та самая сильно повредившаяся головой сестра-голем Дану – Ану, о странностях которой столько рассказывала Эдна. И в совсем поехавшем мозгу сей особы, судя по всему, произошли понятные только ей умозаключения, в результате которых она сочла благом и спасением для моей ка-хог взять и вышвырнуть ее в наш мир, абсолютно не заморачиваясь где. Благотельница, отлюби ее дварфы всем бантустаном. Авось наступило бы тогда прояснение разума.

Результат ее «доброты» – Снежка чуть не стала пищей радужного змея и стала-таки добычей какого-то бродячего дракона-изгоя, судя по его же рассказам моей женщине и месту обитания. И спасибо, конечно, ему, что не дал погибнуть в челюстях морской змеюки, но это не отменяло факта, что урииск озабоченный протащил некое расстояние мою жемчужину в лапах, и это сразу после того, как она попала в наш мир. Ни капли времени на Поглощение. И да, безусловно, других вариантов в той ситуации не было. Но вот последствиям, порожденным непреложными законами магии, которые Снежка сочла очередным своим приступом, на это глубоко плевать. Одна радость – моя белоснежность все же полукровка, и то, что обернулось бы для обычного человека долгой чередой мучений, если и вовсе не смертью, для нее лишь сильное недомогание. И от него был, к счастью, способ быстро и относительно легко избавиться.

– Альбина, послушай сейчас меня. Ты должна проснуться, выйти к этому тупому крылатому придурку и потребовать у него пищу. Любую, но желательно, чтобы это было нечто, что еще совсем недавно было живым. – И вот она снова, жгучая и едкая, как кислота, в которую я погрузился по самую шею, как в женский водоем тару-ушти. Ревность. И только голова еще на поверхности, потому как выживание моей жемчужины куда как важнее ее телесной неприкосновенности. Я асраи, значит, абсолютно нормально отношусь к любым способам выжить или добиться желаемого. Отношусь. Все еще. Корчусь мысленно и чернею, стгорая от пожирающей нутро кислоты-ревности, посылая мою женщину практически в лапы другого самца. Но отношусь нормально. Нормально! Абсолютно! Ведь ничто мне не мешает потом с наслаждением откромсать башку проклятого ящера, искупаться в его крови, размотать кишки, изрубить на

куски и скормить радужным змеям... Так, о чем там я? – Просыпайся, Снежка моя, просыпайся!

– А ты, смотрю, оптимист. Как будто это по желанию. Захотела – отрубилась, захотела – в себя пришла, – только что расслабленная в моем, к огромному сожалению, чисто воображаемом объятии Снежка напряглась. – И ты не прослушал ли немного, Алево? Этот маньячила чуть не разложил меня с наскоку! У него, по ходу, давление спермы в башке в хреналлион атмосфер. Предлагаешь мне переспать с ним за кусок недавно бегавшего мяса?

Вот уж мне не нужно от тебя этой конкретизации возможных будущих событий, драгоценность моя. Я и без нее в жрущей плоть и нутро ревностной жиже уже по самые глаза. Только макушка, сообщающая еще, и на поверхности.

– Жемчужина моя, этот рептилоид принимает тебя за женщину моей расы. И именно такой тебе придется пока побыть. Монны-асраи хитрые, коварные, изворотливые, алчные, готовые обманывать на каждом шагу и при любой возможности.

– О, ну прямо настоящие женщины, как я погляжу. Предел твоих мечтаний и желаний?

А ведь это тоже отчетливо ревностью отдает, да? Мне аж даже полегчало слегка. Настолько, что мощная волна возбуждения стала приятным сюрпризом. Воображаемое в этом пространстве нашего общения все или нет, но ка-хог ощущалась в моем захвате вполне реально, как и она меня явно чувствовала вполне отчетливо. Плюс еще и наши эмоции тут, очевидно, как-то взаимодействуют почти напрямую, давая знать об испытываемых ощущениях. Что, если я смогу даже так провернуть свой магический оздоравливающий секс-трюк, пусть и без действительного участия моей кожаной волшебной палки и инъекции... фе́йринской исцеляющей пылицы. Попытаться-то можно?

– Предел моих мечтаний и средоточие всех желаний сейчас – это ты, моя изысканная перламутровая сладость, – промурлыкал я, вливая в голос столько обольщающей силы, что и самого проняло вмиг.

– Сейчас? – голос Снежки сломался и наполнился томностью, а я, не теряя времени, скользнул по ее воображаемой, но великолепно ощущающейся, коже ладонями. И по моей собственной промчался ответный импульс ласки, от которого тряхнуло и выгнуло бы всего, обладай я сейчас телом. Ух ты, я, испытавший, кажется, почти все, что только пожелалось в мире чувственности, в раз ошалел от новизны чувств. Вожделение захлестнуло, достигая мгновенно запредельных и даже не рисовавшихся прежде в похотливых мечтах высот. Кто бы знал, да, Алево?

– Сейчас, сейчас, ведь мы живем сейчас, каждый час, каждый день, годами, жемчужина моя, – наплевав уже на то, что реально, а что чистая фантазия, я ласкал Снежку, бесстыдно проскальзывая жадными пальцами в жаркую влажную тесноту, загребая ладонями плоть, влепляясь ими в изгибы, ловя дрожь и стоны.

И жемчужинка, как всегда, не осталась в долгу. Обволокла, захватила, опутала собой. Начав эту игру, я мгновенно потерялся в ней сам же. Ловил вкус, не в силах разобрать, какие губы целую и я ли, но наслаждению, жаркому, на грани свирепости, это никак не мешало. Я поглощал саму сущность этой женщины, а она брала мою, требуя еще с алчностью под стать моей. Небывалое, обнаженное, неистовое удовольствие переливалось из меня в нее и обратно, не встречая преград, смывая понимание, кто был истоком, а кто широким разливом, кто водой, кто берегами, кто ветром, а кто творимыми им волнами. Таких оргазмов у меня сроду не было. Потому что он был и не мой, не только мой. Бешеный, возносящий на запредельную высоту пузырящийся дикой энергией поток, смешавший меня и мою ка-хог окончательно. Вот. Это. Да.

– Я да... даже не... не понимаю, кто из нас... – задыхаясь, пробормотала Альбина. – Как это возможно?

Сам в шоке, но нет времени в этом разбираться.

– Послушай, слушай внимательно меня, жемчужина моя. – В пространстве фантазии не может не хватать жаркого, пропитанного нашим кайфом воздуха для дыхания, но однако же я его едва находил, и голова кружилась все еще и в ней звенело, как в горах на огромной высоте. Но медлить нельзя. Все уже начало истончаться и ускользать. – Я тебе сказал, какие наши женщины. Будь такой и жди подмоги.

– Какой? Сговорчивой за все обещанные сокровища?

– Нет, будь стервой, капризной, несносной, заставь его добывать тебе пищу, складывать к ногам всю свою жалкую добычу и отвергай ее раз за разом, как недостойную тебя. Он дракон и даже если изгой и пренебрег некоторыми устоями, то есть нечто, их инстинкты, от которых не избавишься так просто. Помани его возможностью того, что сможет получить тебя, если угодит, и тяни время. Я пришлю к тебе помощь. Верь мне.

– Как? Ты знать не знаешь, где я. И он сказал, что утопит любой корабль, убьет всех, кто...

– Не забивай этим голову, Снежка! – велел я. Есть у меня одна чешуйчатая особь в запасе, с которой вряд ли тягаться этому островному неудачнику. А что касается местонахождения, то в пределах драконов не так уж много островных гряд, а с белоснежным песком и скалами на берегу вообще одна.

– Что-то происходит... – немного испуганно, встрепенулась она.

– Да, ты готова проснуться.

А я не готов, вот несколько не готов отпустить.

– Ты запомнила? Пища и капризы. И нет ничего важнее выживания, слышишь? Ради него все что угодно. – А я уж потом разберусь с последствиями этого и вокруг, и в себе. – И смотри в небо. Помощь скоро будет. Ты слышишь?!

На кровати я не сел, сразу на ноги вскочил, и шатнуло в сторону так, что чуть не рухнул на колени.

Ну что, ящереныш, я иду к тебе за помощью, и у меня уже зарание зубы сводит от предчувствия, как буду умолять и извиняться за все свои колкости. Да и плевать! Я асраи. Нет таких методов и путей, по которым мы не пойдем ради получения необходимого. В крайнем случае, всегда могу украсть и припрятать эту нашу сосульку с глазами. Шантаж и вымогательство в моих глазах ничуть не хуже проникновенных просьб со слезами в голосе. Моей жемчужине нужна помощь, и она ее получит.

Глава 8

Было темнее, чем когда я отключалась и заметно прохладнее. Зато никакой боли и спутанности сознания, голова легкая и даже тело после долгого нахождения в не очень-то удобном положении и сырости не ощущалось скованным. Алево-Алево, даже удаленно, блин, ты умудряешься подлечить меня своей волшебной секс-терапией.

Я поползла из своего укрытия, но прежде чем совсем его покинуть, несколько минут настороженно прислушивалась. Плеск океана, шелест в листве местной буйной растительности, тихий щебет неизвестных птиц, отдаленное потрескивание, больше всего напоминающее звуки бодро пожирающего дрова пламени. Моего нюха коснулся аромат, весьма напоминающий дымно-шашлычный, и в желудке отчаянно заурчало.

Так, Алево сказал, что мне немедленно необходимо заполучить местной пищи животного происхождения максимальной свежести для того, чтобы меня начала пропитывать здешняя магия или типа того, и запах прозрачно намекал на то, где это можно сделать. Но отнюдь не как это сделать. С трудом представляю себя изображающей эту их капризную и коварную... как там? Монну, ага. Как по мне, то легче еду украсть или добыть как-нибудь самостоятельно, а не вот это вот все в компании шизанутого рептилоида.

«Смотри в небо» вспомнилось мне, и я подняла голову, обозрев темные небеса, чуть тронутые у самой границы с водой первыми рассветными лучами, и чуть не ахнула. Чокнуться можно, как же красиво! Конечно и в нашем мире рассветы и закаты – это потрясающе великолепные картины природы, которыми можно любоваться бесконечно, поражаясь их насыщенной неповторимостью, но тут... Это прямо-таки нечто! Жемчужно-серое, лиловое всех оттенков, сумрачно-голубое, роскошно-розовое и сотни смешанных красок медленно разливались по линии горизонта, раскрашивая, стекая потоками в едва подернутую рябью воду и как будто так же запросто поднимаясь с ее поверхности обратно к небесам.

В животе снова заурчало, и я автоматически потеряла его, отрываясь от любования окрестностями. Вряд ли Алево имел в виду «стой и щелкай клювом», а что-то никого, спешащего вытащить меня отсюда, в роскошно-прекрасных небесах не наблюдалось, так что хорош время терять, Снежка.

Вздохнув, я осторожно пошла с берега вглубь острова, ведомая звуками и запахами. Разглядеть что под ногами пока еще было не вариант, но зато мое внимание привлекли те самые огромные красивые цветы, которые успела заметить в момент экстремальной высадки на остров. Сейчас в темноте некоторые из них мягко мерцали, притягивая взгляд, и я таки не удержалась, чтобы не подойти к одному такому поближе. Формой цветок напоминал орхидею, крупную, больше моей ладони. Внешние бархатистые лепестки нежно-сиреневого цвета излучали то самое привлекательное сияние, а более темные внутренние были буквально усыпаны чем-то завлекательно поблескивающим, весьма достоверно имитирующим аметисты. Из любопытства я тронула один из этих псевдо-камушков и едва успела отдернуть руку, потому как те самые невинно-нежные лепестки внезапно обзавелись зубами, которые лязгнули в сантиметре от моих чудом уцелевших пальцев.

– Вот же срань! – прошипела я возмущенно и пнула куст. В ответ он попытался оплести мою ногу противно гибкими цепкими ветвями, так что пришлось спасаться бегством.

Затормозила перед самой поляной с кострищем, полным ярко-красными углями, над которыми и жарилась туша некоего создания, распространяя аромат по округе. Самого озабоченного маньяка дракона поначалу разглядеть не удалось, но само по себе мясо жариться не могло – сгорело бы на фиг, так что выходить на открытое место я не спешила.

– Я слышал твои шаги, фейринская блудница, могу легко найти тебя и на этот раз тебе не удастся укрыться от меня, – раздался голос с противоположного от меня конца поляны, и я засекла блеснувшие там глаза. – Тебе некуда от меня сбежать, так что лучше выходи по-хорошему и смирись со своей участью. Прошло уже много часов, и ты наверняка голодна. Я накормлю тебя, а ты за это утолишь мой плотский голод.

Пища и капризы, да? Ну, поехали. Сглотнув слюну, я вздернула заносчиво подбородок и шагнула из кустов.

– С чего ты взял, что твоя грубая пища заслуживает того, чтобы я снизошла до нее? – спросила, постаравшись придать голосу максимально пренебрежительное звучание. – Что-то я сомневаюсь, что употребление плохо прожаренного мяса неизвестного происхождения благотворно скажется на моем здоровье.

Озабоченный дракон подался вперед так стремительно, что я чуть не шарахнулась обратно с визгом.

– Я летал на континент, чтобы добыть для тебя этого молодого магаки. Его рога едва проклюнулись и мясо будет таять во рту! – возразил... как бишь его... Мертис. – Подойди ближе, ка-хог, и я совладаю со своей гордостью и отвращением, выберу для тебя лучшие кусочки, и сам поднесу к твоим губам, как заведено у вашего племени, выказывая свою заботу, уважение и преклонение перед твоей красотой.

– Тебе не кажется, что сначала называть меня блудницей и упоминать о борьбе с отвращением, а потом обещать проявить уважение и заботу – это какой-то оксюморон? – ответила ему, но ближе подошла. Есть хотелось адски и с каждой секундой все сильнее.

– Ты очень странная, блу... монна ка-хог. И говоришь тоже странно.

– Знал бы ты насколько странным кажешься мне и сам, и все вокруг, – пробормотала себе под нос. – Ну ладно, я готова принять от тебя пищу, если уж ты утверждаешь, что она настолько изыскана. Но только давай без упомянутого тобой кормления с рук, – сразу вспомнилось, как это делал Алево, и внутри тоскливо екнуло. – Я не... – чуть не сказала «домашняя зверушка», но тормознула себя, – ...не считаю, что ты уже заслуживаешь подобную привилегию – кормить меня с рук. Хочу посуду и приборы!

Судя по тому, как подорвался с места мужик и умчался куда-то, я пока придерживалась верной линии поведения. Ладно, буду держаться ее и дальше, а там поглядим.

– Все в пыли! – скривилась я при виде золотой тарелки, размером с блюдо и таких же ножей и двузубых вилок.

– И что, даже чаши для омовения рук нет? – сгенерировала я следующий каприз.

– Сидеть прямо на земле и есть – отвратительно. Будто я какое-то животное! – возмутилась напоследок, но при виде смачного куска мяса, истекающего соком и восхитительно парующего, мозг отказался временно выдавать новые варианты придирок.

– Я добуду тебе любую мебель, какую ты пожелаешь, ка-хог! – смиренно пробормотал дракон, неотрывно наблюдая за тем, как я ем, и мне ой как не понравилось все нарастающее голодное предвкушение в его глазах и то, что он сел намного ближе. – Одарю любой роскошью, если ты в ответ станешь отдаваться мне.

Кусок застрял в горле, и я с трудом его проглотила. Одари меня своим молчанием, блин, пока, а то и лютый голод утихнет от перспективы лечь под тебя.

– И? Я что, должна давиться всухомятку? – в отместку напрягла его, и когда дракон вернулся с кубком, вырезанным из цельного куса розово-прозрачного камня и закупоренным сосудом, продолжила: – Развлеки меня беседой за трапезой, дракон. И кстати, этот кубок чертовки тяжелый!

Фух, быть капризной стервой все же на редкость утомительное занятие, особенно для меня, с детства привыкшей, что за выдрюконы ты получаешь по башке, а не исполнение всех желаний. Неужели есть женщины, которым это реально нравится? Насколько же плох должен

быть мужик, с которым ты переспать собираешься, чтобы компенсировать это таким вот предварительным поведением? Или тут в чем-то другом прикол?

– Что ты желаешь услышать от меня, монна? – дракон пересел еще чуточку ближе, и я напряглась сильнее. Забила на хорошие манеры и церемонии, начав есть быстрее.

Я сделала несколько глотков удивительно вкусного питья, больше всего похожего на насыщенный компот из кисло-сладких ягод, и внутри почти моментально разлилась какая-то легкость, даже с существенным уклоном в веселье. Черт, видать, это какой-то алкоголь, а то и вовсе нечто вроде легкой наркоты, больше не капли значит.

– Ну, поведай мне какую-нибудь байку про Дану, – пробурчала, мигом потеряв всю концентрацию, и проглотила очередной кусок, находя пищу в разы более вкусной, нежели минуту назад. Та-а-ак, плохи дела, но только испугаться не выходит. Точно питье с какой-то расслабляющей хренью было.

– Байку?

– Историю из жизни, – пояснил мой язык, внезапно получивший, походу, независимость от мозга. – Есть же у вас какие-нибудь баллады или мифы, которые принято рассказывать для поддержания беседы. Как-то же информация передается от чел... ээмм... между собой. Или все это в школе проходят? У вас же есть школы? Ну типа там годы жизни и свершений, роль в истории всего мира и все такое...

Ой, заткнись, Снежка, чего ты совсем-совсем не то несешь, вон как дракон весь напряжился и прищурился нехорошо.

– Скажи мне, ка-хог, ты повредила рассудком от страха быть съеденной радужным змеем или же гораздо раньше, и поэтому твои соплеменники выбросили тебя из биремы, не взирая на высокую ценность твоего облика? Ты случайно не наказана ли Элохарским безумием за бесконечное распутство? – как-то подозрительно вкрадчиво спросил мужик.

– А если и так, то разве это тебе только не на руку? – подмигнула я собеседнику. Между прочим, ничего так и сложен мужчинка, и на лицо не урод. Не Алево, конечно...

Чего?!!! Что происходит, блин?!

Почувяв нарастание симптомов слабоумия, я перестала жевать, мотнула головой, вытряхивая внезапно влезшую туда дурь, и стала следить за психом еще внимательнее. Это безумие, что он упомянул, может, болячка заразная, что заставит его держаться подальше? Хотя... Вдруг эта такая зараза, носитель которой тут по умолчанию приговаривается к уничтожению на месте?

– Отвечай немедленно! – рявкнул дракон, резко подаваясь вперед, оперевшись кулаками в песок, будто готовясь прыгнуть на меня, и его глаза сверкнули красно-золотым. Его затрясло и все мускулы на теле пошли буграми.

Мое же собственное сработало на автомате – недоеденный кусок мяса полетел на песок, а тяжелое золотое блюдо с глухим бо-о-ом! врезалось сбоку в башку невротика. В мозгу мелькнуло только «откуда силы-то взялись им махнуть настолько быстро и сильно», а в следующую секунду настало время убегать. Психический озабоченный рептилоид упал на бок лишь на долю мгновенья и тут же взлетел на ноги, как отброшенный от земли упругий мяч. Взревел, раскидывая руки, и в отблесках костра по его телу пробежала рябь, а сквозь кожу полезла чешуя. Дальше я смотреть не собиралась и со всех ног ломанулась обратно к своему уже проверенному каменному укрытию.

Едва успела змейкой юркнуть под первый из камней, как по нему грохнуло, и лодыжки ожгло осколками. Новый рев, на этот раз такой, что задрожала земля, и мои внутренности, наверное, перемешались, и удар, обсыпавший чем-то. Вот урод, таким темпом он если и не достанет меня, то завалит камнями чего доброго! Скрутилась клубком, максимально сокращая вероятность отдавления конечностей, замерла, дожидаясь пока дракон перепсихует. Гадство, не могла я что ли и дальше вести с ним эту дебильную беседу, надо же было блюдом шарahnуть!

Нормально же вроде все шло. Это, сто пудов, питье так сработало. Сначала язык стал как сам по себе, и даже дракон этот начал казаться нормальной такой компанией, а потом такое... Запоминаем – пить тут нужно только воду!

Вместо того, чтобы постепенно уюмониться, летучий рептилоид только разбушевался еще больше, только теперь похоже бесновался в небе где-то. Рев стоял такой, что я зажала уши ладонями и скрутилась еще сильнее, потому как реально казалось – все внутри в кашу превращается от такой акустической атаки. И главное, он, что, вообще на вдох не прерывается, как можно реветь без остановки?

Земля снова содрогнулась, как если бы сам остров подпрыгнул от мощнейшего сотрясения, и внезапно стало тихо. Впрочем у меня все так же еще звенело в голове, и уши как ватой были заложены. Я напрягала явно пострадавший нешуточно слух и чуть не заорала, услышав спокойный и знакомый женский голос.

– Монна Альбина, ты можешь покинуть свое убежище, тебе больше ничего не угрожает, – произнесла откуда-то сверху сестра Эдны. Как же ее... Имя такое чудное... Илва! – Мы с принцем Раффисом прибыли, чтобы доставить тебя в Тахейн Глифф, где тебе дадут кров и защиту от любых опасностей мира Старших и обеспечат всем необходимым.

Глава 9

– Ну? – потребовал я ответа с порога.

– А ты на меня хомут не надевал, так что не понукай! – огрызнулся бывший поделщик моей жемчужины, зыркнув зло на меня красными и опухшими зенками. – Я тут вообще-то работал, глаз не сомкнув, пока кто-то харей подушку душил. Что со Снежкой?

Первым вопрос задал я, и будь обстоятельства другими, заставил бы этого засранца понять, что если я спросил, то мне отвечать нужно, а не огрызаться. К тому же, делиться хоть чем-то, связанным с моей женщиной, даже если это просто информация, меня категорически душила жадность. Но сейчас мы... хм... сотрудничаем, точнее этот неудачник трудится ради того, чтобы я мог заполучить в свои лапы Снежку физически, а не сновидениях, так что прощу ему дерзость.

– Мне тебя украшением в виде хомута снабдить – ерунда делов. Вопрос будет заключаться исключительно в том, где найти сейчас подобную экзотику, – все же не смог я удержаться от напоминания, что знать некоторым свое место в стойле нужно. – А со Снежкой все относительно нормально.

– Относительно нормально? Это что еще должно значить?

– Она жива. Однако, полностью безопасным я ее положение не могу назвать. Но я принял меры, чтобы это самое положение максимально улучшить.

– Какие? – требовательно спросил Кокс.

– Все на данный момент возможные! – огрызнулся, с раздражением вспомнив пристальный взгляд Илвы, пока я объяснял ее дракону смысл своей просьбы.

Проклятая ледяная дева не ухмыльнулась даже ни разу, не позволила себе ни единой колкой фразы или насмешливого зыркания. Ничего подобного! Наоборот, она смотрела на меня с живым любопытством, как если бы я прямо на ее глазах превратился в нечто прежде невиданное, настолько, что это даже разрушило ее извечное состояние безэмоциональной замороженности. А принц и вовсе согласился помочь без малейшего возражения, мигом став сосредоточенным и крайне серьезным, заставив меня вспомнить, что он хоть и слабовольный подкаблучник при своей единственной, но по жизни еще и воин, дважды встававший в поединке против самого нашего архонта Приграничья. Бесят оба! И Раффис, которого совсем уж не уважать теперь не выходит, и Илва эта, что, почудилось, рассмотрела во мне то, чего быть не должно. Ну не может во мне быть ничего такого, чтобы ее взор подергивался эдаким романтическим восхищением, к сексуальному влечению отношения совершенно не имеющему. Не может!

– Значит так, я нашел аж пятерых Алексеев Николаевичей Морозовых, ныне уже покойных, что соответствуют нашим параметрам: возраст, внешность, место проживания пятьдесят лет назад, единственный наследник мужского пола, – посверлив меня злым взглядом и поняв, что на меня он не действует, перешел к делу бывший поделщик моей Снежки.

– Не многовато? Сомневаюсь, чтобы внешность таута была настолько распространенной.

– Фамилия не редкая. Сто процентов, не везде даже архивы оцифрованы, и есть вероятность, что кандидатов в разы больше. А в архивных данных не упоминается, уж извините – мужик был хреновым альбиносом, просто видно на весьма поганных фото, что блондины. Ты вообще видел когда-нибудь фото с ксерокопий паспортов, тем более старые? Да там все похожи на сраных зомби! Ты мне и всех данных-то дал, что имя с фамилией, примерный возраст с регионом проживания черте когда, да словесное описание «найди того, не знаю кого». Я, по-твоему, долбанный волшебник что ли? Еще и башка раскалывается, потому что кто-то долбоклюй.

– От долбоклюя слышу. Кончай стенать, примадонна! Куда ехать говори, – нисколько не проникся я его возмущением тяжелыми условиями труда.

– В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов, – отрывисто поплевал мой собеседник словами.

– Что?

– Тормоз ты и невежа иномирский! – закатил придурок глаза, искушая освежить в его сознании впечатления от ринопластики, которой его недавно обеспечил. – В Саратов мы едем, говорю. Чую седалищем, что этот вариант самое то. Вот, смотри, – Кокс пощелкал по клавиатуре и повернул ко мне ноутбук. – Золотарев Владлен Яковлевич, тридцать якобы лет, получил по договору дарения уютный хутор-поместье от некоего Федора Чекалина, тот унаследовал на тот момент городскую большую квартиру и дачу в элитном поселке от некоего Романа Фурцева, который в свою очередь и был наследником типа почившего с миром еще в восьмидесятые Морозова. Соцсетей этот Владлен не ведет, с криминалом не связан, так что в базах я нашел только фото из прав и паспорта. А от Морозова и Фурцева и такого нигде не осталось.

Фото действительно сложно было назвать качественным портретом, несмотря на современные технологии, но самое главное – очень-очень светлые волосы и крайне утонченные черты лица предполагаемого туалы рассмотреть было можно. А то, что по мне от макушки до пяток промчалась колкая волна-реакция на смутную схожесть с моей жемчужиной, подтвердило вывод Кокса.

– Седалищем, говоришь? – пробормотал я, всматриваясь в принца-мерзавца внимательнее. – Хоть что-то в тебе есть способное приносить пользу и работать на результат.

– Слышь, ты, господин Хожу-Всегда-Налево, ты базар-то фильтруй! Ты, конечно, весь из себя стремительный, но сомневаюсь, что быстрее пули будешь. А я запомню и...

– Страшно отомстишь, ага, – насмешливо оборвал его я. – Хорош трепаться, если ты со мной, то выезжаем прямо сейчас.

Конечно, человек в разборках фейри – обуза. Но если этого Кокса убьет туалет в процессе его захвата, то я тут вообще ни при чем. Трагически сложившиеся обстоятельства, да-да, белоснежность моя. Твой бывший друг нарвался на клинок, хотя я его предупреждал неоднократно держаться в стороне. Дебил, прости, Дану, что тут еще скажешь. Хотя нет. Так все равно выходит легкий налет героизма для ее спасения на нем, а оно мне надо? Ладно, польза от него быть все же может, будет нашей техподдержкой.

– С тобой. Но ровно до того момента, пока это в интересах Снежки, ясно? Дальше мы уйдем, а ты, дядя, топай своей дорогой.

Ну до чего же ты тупой! До сих пор обманываешься, что у тебя и моей ка-хог есть хоть какая-то свобода воли и существует вероятность, что я ее хоть когда-то отпущу.

– Сотрясать воздух и спорить не вижу смысла, – не собираясь никого дожидаться, я пошел из отведенной Коксу комнаты в особняке. – Скажу просто – этому не бывать. Смирись.

– Да только попробуй нам помешать, – подхватив уже оказывается собранную спортивную сумку и прихватив захлопнутый ноутбук, парень рванул за мной. – Я с тобой насмерть драться стану.

– А, ну это без проблем. Смертью я тебя обеспечу, раз тебе так жить обрыдло.

– Ты же не можешь не понимать, что добровольно Снежка с тобой остаться не согласится.

Добровольно-недобровольно, какие это, к дварфовой матери, несущественные мелочи. Особенно, когда это касается женщин, которые и сами-то не всегда точно знают, чего хотят, и заставить их хотеть совершенно иного – ерунда делов и капля усилий. Плюс-минус.

– Это ты себя успокоить так пытаешься? – фыркнул я, не оглядываясь.

– Ты – блудливый козлице и ей совершенно не подходишь!

– Юноша, я очевидно приложил тебя к стене сильнее, чем казалось, и ты слушал меня крайне невнимательно. Главное, что ей очень даже подходит та энергия, которой с ней я могу и готов делиться. Более того, без нее она просто не выживет.

Быстро сбежав по лестнице в гараж, я кивнул уже ожидающим там Хоугу и Фьяралу, веля следовать за мной на второй машине. Испытал мгновенное искушение велеть туда же отправиться и Коксу, но передумал. Его трепотня не настолько меня раздражает, чтобы упустить некие сведения о моей ка-хог, которые он может выболтать, злясь на меня. Все же, как ни противно это признавать, но этот выпендрожник – единственный человек, что реально знает мою Снежку.

– Я думаю, ты гонишь, – вернулся к теме обсуждения Кокс, как только я вырулил со двора. – Должно быть лекарство или какое-нибудь средство. Вон, этот же ее папаша живет и здоровствует. Ты просто хочешь убедить нас с ней, что, пипец, какой необходимый и эксклюзивный, чтобы удержать Снежку рядом с собой.

– Я абсолютно не заинтересован в том, чтобы в чем-либо убеждать конкретно тебя, а уж удерживать – тем более. А «гнать», выражаясь понятным тебе языком, то бишь лгать в своих интересах, я действительно всегда готов и не считаю чем-то зазорным, даже наоборот. Но сейчас в этом нет необходимости. Я и так являюсь крайне необходимым и эксклюзивным для моей ка-хог, что бы ты там на этот счет ни думал и как бы ни бесился, – ткнул идиота в очевидность и, не сдержавшись, продолжил, потому что скромность – чушь, как и жалость, можешь потоптаться по противнику – делай это. – А кроме этого лучшим любовником, которого она могла бы встретить в своей жизни, а также самым сильным и богатейшим мужчиной, что на нее сможет претендовать и купать в роскоши, которой она безусловно достойна. Плюс еще в высшей степени вероломным и коварным, чтобы уничтожить без малейшей жалости и сомнений всех соперников и препятствия. Всех. Без исключения. Делай выводы на будущее.

– Ты хоть слышишь, как говоришь о себе? – пренебрежительно скривился Кокс. – Да Снежку должно тошнить от такого самомнения и заносчивости. Я-то ее знаю.

Знаешь. Потому-то еще и в сознании и сидишь тут, а не валяешься как мусор на обочине.

– Ну что же, мы с ней как-нибудь справимся с этой ее тошнотой, случись она.

– Да хрен там когда-нибудь случится эти «мы» с таким твоим отношением. Говорю тебе – я знаю Снежку с детства. Может, ты и чертово лекарство, без которого ей не выжить прямо сейчас, но с таким тобой она ни за что не уживется, а значит, станет искать выход. А я буду рядом и помогу, а ты, мистер Я-охеренный, останешься ни с чем однажды. Моя подруга – не тот человек, что согласится с зависимостью от кого-либо, тем более от такого межвагинного странника, который может в нее наиграться в любой момент.

– Расскажи-ка лучше, как случились вы, – забив на все мрачные прогнозы, решил я направить разговор в выгодное мне русло. – На чем сошлись?

– На дружбе. Вряд ли ты о таком имеешь представление, – огрызнулся Кокс.

– Даже для дружбы нужна какая-то почва и исток. Что было у вас? – давай, поведай мне, уже бывший друг моей ка-хог, какова она. Что любит, чего не терпит, как жила, о чем мечтает.

– За лоха меня держишь? Думаешь, я тебе тут наболтаю всего о Снежке, а ты запомнишь и потом будешь использовать? Обломайся, дядя, – он поерзал и откинул голову, закрывая воспаленные глаза и собираясь меня демонстративно игнорировать.

Да куда же ты денешься, дорога длинная, разговоришься.

Глава 10

Высунув голову из своего укрытия, я сначала проморгалась от всякой фигни, что насыпалась на лицо и ресницы, а потом с трудом сдержалась от того, чтобы не присвистнуть. На берегу высился большой бело-песчаный рассеченный пополам холм, коего там раньше не бывало, а от него в зарослях начиналась широченная просека, похожая на какую-то зону аварийной посадки. Только пни или вывороченные и местами обожженные и уложенные в едином направлении стволы деревьев с с пугающими спрутами-корнями, некоторые даже еще шевелились.

Илва стояла на большом валуне и внимательно меня разглядывала, как если бы я была гораздо интереснее, чем картина разрушений. Прошлый раз, когда я видела девушку, она была завернута в белоснежную махровую простынь, сейчас же собеседница щеголяла в джинсовом комбинезоне со множеством карманов, трикотажной футболке с длинными рукавами, кроссовках цвета хаки, и этот ее самый обычный вроде бы вид почудился совершенно чуждым здесь, после того, что я успела повидать.

– Привет! А как ты... вы тут оказались? – неуверенно махнула я ей рукой и оглянулась еще раз, заметив сидящего прислонившись спиной к подножию того же камня красавца-юношу. Того самого, которого Алево назвал драконом.

Впрочем, сейчас красавцем его было трудно назвать. Выглядел он здорово потрепанным и окровавленным, одни только три глубочайших царапины, начинающиеся на его щеке под глазом и продолжающиеся на плече до самой кисти, чего стоят. Такое впечатление, что его трижды острым ножом полоснули или подрал киношный Росомаха. Светлые длинные волосы в беспорядке и местами повисли слипшимися красно-бурыми сосульками. И кстати, он был голым, но при этом умудрился принять такую позу, чтобы ничего напоказ не выставить. И смотрел исключительно ясным, серьезным, не замутненным болью взглядом. По мне он скользил безразлично, как если бы не отличая от окружающих камней, а вот на Илве задерживался, явно испытывая трудности с тем, чтобы оторваться.

– Асрай Алево обратился к нам с просьбой помочь ему найти и переправить вас туда, где не будут угрожать опасности нашего мира, пока сам он не может сделать этого, – ответила мне Илва. – Мы готовы оказать вам необходимую помощь, монна Альбина.

– По-моему, это не мне тут больше всего нужна помощь, – кивнула я ей на раненого. – Раны стоит промыть и обработать чем-то, я думаю.

Девушка глянула на своего спутника, нахмурилась недоуменно, словно силясь разглядеть то же, что и я, но не находя повода для беспокойства.

– Это всего лишь царапины, которые заживут гораздо раньше, чем нам можно будет тронуться в путь. Не стоит переживать, монна Альбина, принц Раффис достаточно силен сейчас, чтобы быть в состоянии доставить нас на континент и защищать во время всего пути, – ответила мне опять же девушка, таким тоном, будто именно... эмм... работоспособность этого самого принца и была единственно достойной волнения причиной. Хотя, черт его знает, может, все так и обстоит.

– А где... – я оглянулась еще раз, ища озабоченного рептилоида.

– Дракон-изгой повержен принцем.

– Убит?

Принц вскинул резко голову, впервые хоть как-то реагируя на мои слова, и с Илвой переглянулся.

– Изгой нанес вам обиду или оскорбление, требующее его умерщвления в качестве мести? – как-то, я бы сказала, деловито, уточнила Илва, спрыгивая с камня и подходя ко мне ближе.

– Что? Нет, напугал просто и приставал, но я и сама смогла отбиться. Не нужно никакого радикализма. Он меня от сжирания жуткими морскими змеями спас вообще-то, и я ему даже благодарна.

– Радужные змеи не питаются настолько мелкой добычей. Скорее всего, им просто было любопытно.

– Вряд ли меня это утешило бы, если бы они меня изжевали из чистого интереса, а не от голода, – проворчала я и глянула в сторону бурелома, откуда доносились странные ритмичные раскатистые звуки. – Лишь бы Мертис нас не преследовал, когда мы станем отсюда убираться.

– Об этом не стоит переживать. Я использовала достаточно количество порошка Тягучих грез, чтобы он спал еще несколько дней, – качнула головой Илва, похоже, не разделяя моего беспокойства на сей счет. Да она вообще, кажется, не способна о чем-либо беспокоиться, лицо – почти маска. – Монна Альбина, скажите, вы уже принимали в пищу плоть создания мира Старших?

Прозвучало как-то... бррр... Плоть создания.

– Мясо? Да, Мертис добыл какого-то зверя. Говорил, что летал на охоту на континент.

– И ваш организм не отторгнул эту пищу? – мигом оживилась наконец-то Илва.

– Нет, – ответила, прислушавшись к своим ощущениям. – Правда, я и съесть немного успела, он опять на меня кинулся, схлопотал по морде блюдом, начал беситься, а потом сразу и вы.

– Асраи Алево очень точно описал нам ваше возможное место пребывания, поэтому мы смогли найти вас так быстро, монна Альбина.

– Снежка, – поправила я ее, поморщившись. – Зовите меня так, пожалуйста, и можно не выкать. Мне как-то не по себе.

– Конечно, – легко согласилась девушка. – Тогда и ты называй меня просто Илвой. Что же, раз нет Отторжения, то возможно мы тронемся в путь даже раньше, чем рассчитывали, и будем продвигаться быстрее. Вероятно то, что ты полукровка, хоть и проклятой расы, позволяет тебе впитывать местную магию быстрее и легче. – Илва повернулась к принцу. – Думаю, все же стоит удостовериться лично в способности Снежки отправиться в путь.

Молодой человек кивнул, поднялся, покачнулся, но быстро поймал равновесие и оглянулся на Илву.

– Филиа моя... – наконец хрипловато произнес он, но Илва взмахнула рукой.

– Нам здесь ничего не угрожает. Изгой распугал всю опасную живность в округе, а сам он еще долго будет пребывать во сне.

Глаза принца сверкнули поразительным фиолетовым пламенем, в котором мне почудился огонь жестокой тоски. Юноша стремительно отошел от нас на несколько десятков шагов и стал обращаться. И нужно сказать, что из него зверюга вышла куда как крупнее той, что я уже видела, к тому же прекрасно-ужасная, черно-алая и с гигантским частоколом-гребнем по спине.

– Береги глаза, – велела мне Илва, и я прищурилась, ожидая потока поднятого в воздух крыльями мусора.

Но вместо того, чтобы сразу поднять кучу всякой мелочевки в воздух, дракон изогнул длинную шею и уложил громадную башку на песок у ног девушки. Я наблюдала сквозь ресницы, как Илва сначала стояла столбом с лицом, не выражающим ни единой эмоции, но через несколько секунд подняла руку и провела пальцами по одной надбровной дуге монстра, и он вздрогнул, дернул крыльями и издал такой поразительный звук на выдохе... стон крайнего удовольствия, отчего у меня повсюду мурашки промчались, хотя я очень сильно сомневаюсь, что через ту броню чешуи зверюга мог даже почувствовать легкое прикосновение. Стало как-то

неловко, словно я подглядывала за чем-то очень-очень интимным и почему-то новым для этих двоих.

Подняв голову, дракон гордо выпрямился, заревел оглушающе и отчетливо ликующе, побежал по берегу, набирая сходу бешеную скорость, и оторвался от земли в линии прибоя на таком расстоянии от нас, что лица коснулся лишь ветерок и несколько освежающих брызг, но ни единой пылинки или опавшего листа.

– Шизануться можно! – шепотом восхитилась я, провожая создание из сказок взглядом в небе. – Все еще никак не привыкну, что все это – реальность.

– Нам стоит позаботиться о новом костре для приготовления добычи, – как-то очень сухо сказала Илва мне в спину, и я, кивнув, направилась к поломанным зарослям. – Только осторожнее, Снежка, не каждое растение тут безопасно для прикосновений.

– Я уже получила опыт. Один цветок чуть не отхватил мне пальцы, а потом еще и пытался связать ветками и корнями, – призналась я и, найдя глазами, указала: – Вон те.

– Это не цветы, а сальбанелли – потомки связей наземных гилли-ду и морских кидзимун. И тебе очень повезло, что это были всего лишь они, а не сами поганцы гилли-ду. От них бы так легко не отделалась, если позволила себе тронуть их охотничий куст. Эти твари способны долго преследовать, нанося множество мелких, но крайне болезненных ран, и запросто могут заставить потерять силы и истечь кровью.

– Чокнуться можно, – пробормотала я и стала брать только ветки тех же деревьев, что и сама Илва, ибо нафиг-нафиг.

На месте прежнего очага тоже царил разгром, так что мы просто палками сгребли уцелевшие угли и набросали туда свежих дров. Я хотела начать раздувать пламя, но девушка остановила меня. Порылась в невзрачной котомке, снятой с плеча, и вытащила какой-то мешочек. Зачерпнула оттуда черного порошка и кинула на дрова, завоняло дегтем, и вскоре кострище запыхало сначала голубоватым пламенем, но потом запах развеялся, и огонь стал нормальным, а Илва ушла к берегу вымыть руку от своего поджигательного средства.

– Ты находишь принца Раффиса привлекательным, Снежка? – спросила меня внезапно Илва, бесшумно вернувшись, и я изумленно обернулась.

Это еще что за вопрос без обиняков?

– Он красив, да, но то, что он еще и дракон, я считаю гораздо более достойным внимания, – честно ответила под ее резко потяжелевшим взглядом. – Для меня этот факт кажется чем-то сродни чуду.

– Я – его Единственная, – сказала девушка, продолжая въедаться в меня все таким-же давящим взглядом. – Только я могу сделать из него полноценного мужчину, но не мужчину, что будет видеть исключительно меня одну. Однако, я могу делать так, чтобы исчезали те, кто решит опрометчиво оттянуть на себя его взгляд.

– Я не зарюсь на чужих парней, – подняла я ладони в примирительном жесте. Не то, чтобы я поняла ее заявление про полноценного мужчину, но это и не мое дело так-то. Не хватало еще, чтобы меня тут бросили с психованным рептилоидом из-за случайного пристального взгляда, пробудившего чужую ревность. – Никогда. Нет необходимости в угрозах.

– Я ведь не знаю, какова изначальная натура туатов, которую могла унаследовать и ты, – ответила Илва с едва уловимой ноткой извинения. – Если такая же, как у асрай – то считай это угрозой. Если же иная, не такая коварная, жадная и похотливая, то рассматривай это просто как информацию.

Алево, я как погляжу, все просто в восторге от душевных качеств твоих и тебе подобных. Хотя, информация типа «эй, я готова сживать со свету любую конкурентку», вываленная на едва знакомого человека в лоб, – это тоже... такое себе. Ну скажем, по-меньшей мере странное нечто.

– Хорошо, – пожала я плечами. – Хотя я считаю, что устранять соперниц, на которых ведется твой мужчина, непродуктивно. Куда как результативнее устранить этого мужчину из своей жизни. Но я вообще не эксперт в данном вопросе.

– Ты сейчас рассуждаешь, как женщина из мира Младших, причем в его нынешнем моменте развития. Через некоторое время, проведенное с асраи Алево, ты весьма вероятно поменяешь свои взгляды. Здесь не устраняются из борьбы, потому что для устранившихся, то есть проявивших слабость, нет достойного места. Только для тех, кто побеждает, не считаясь со средствами.

– А по мне – самоисключиться из ненужной и заведомо проигрышной борьбы – мудрость, а не слабость. Тем более, когда это касается мужика. Смысл втягивать себя в пожизненный стресс, даже ради любви какой-нибудь неземной.

– Любви? – нахмурилась Илва. – Нет, с любовью тут должно еще необычайно сильно повезти. Первейшая цель – выживание и безопасность.

Да уж, мир этот, видать, тот еще Диснейленд, судя по ее словам. Хотя и так уже можно было понять это.

– Что-то мне все меньше нравится и этот ваш мир, и перспективы в нем. Я уж лучше обратно в свой при первой возможности.

– Если она случится, – негромко заметила девушка.

Костер уже вовсю пылал, а усыпленный Мертис в драконьем облике продолжал раскати-сто храпеть, когда вернулся принц Раффис. Он опустился на берегу, вне нашей зоны видимости, и к нам явился некоторое время спустя, одетым и с мокрыми, отмытыми волосами, неся перед собой толстые прутья с нанизанными на них кусками мяса.

Он сам же водрузил их на рогатины для запекания и сел следить за процессом напротив Илвы. И я опять подумала, что эти ребята очень странные. Ни единого слова или прикосновения, только взгляды, но при этом я всей кожей улавливала бешеное электричество между ними. Почти такое же, как ощущала просто от присутствия рядом со мной Алево. Однако, все же другое. Уверена, что между ними не было еще ничего на физическом уровне. Интересно, почему? Ведь их взаимное мощное влечение очевидно, аж мураши по коже от его интенсивности.

Но, конечно же, спрашивать я ни о чем не стала. Сама бы ведь послала, если кто полез бы с подобными вопросами, да и черт знает, не сочтет Илва мое любопытство опять поползновением на ее территорию. А принц Раффис говорить со мной явно не собирался. С момента их появления общалась со мной исключительно Илва. Очевидно таков их обычай или снисходить целой сиятельной особе до беседы с простой смертной – типа зашквар. Бывает.

Дракон ненадолго отлучился, когда мы закончили с едой, и вернулся с ворохом разных тканей и покрывал и передал их Илве. Нашел и разграбил местные запасы Мертиса? Девушка поделила принесенное со мной, и мы соорудили себе места для ночевки. И стоило только устроиться, как ощущение сытости и сонливости навалились на меня скопом, и, с наслаждением вытянувшись в полный рост на лежанке, а не в сыром каменном убежище, я провалилась в сон почти моментально. Только и мелькнула мысль, заявится ли в мои грезы Алево со своими секс-фокусами. Я не против, все ведь не вразправду.

Но он не пришел. Открыв глаза, я припомнила только невыносимо яркие краски и головокружительные запахи, смутные образы, обжигающие искристые струи, что вливались сквозь кожу в меня и так же легко из меня...

– Ты действительно очень легко впитываешь магию мира Старших, Снежка, – надо мной появилась Илва, явно уже свежая и умытая. – Мы можем смело трогаться в путь.

– За нами придет какое-то судно или еще какой-нибудь транспорт? – спросила, выпутываясь из вороха ткани и садясь. Ухх, свежо однако, волосы все в росе.

– Наш транспорт – принц Раффис. Мы полетим на нем, – ответила девушка, и ее губ коснулась едва заметная улыбка, первая за это время. Наверняка от того выражения, что она узрела на моем лице.

– Эээм... знаешь ли, у меня уже был опыт таких полетов и не сказать, что я от него в восторге, – напряглась я, мигом вспомнив ощущения от того, как Мертис меня приволок сюда.

– Согласна, летать на драконе, никогда не возившем на себе людей, очень некомфортно, – кивнула девушка. – Но у принца уже была возможность получить навык бережной перевозки седоков.

– То есть, он не потащит нас в своих лапищах с когтями, как орел свою добычу? На драконе означает именно «на»?

Ответом мне был новый сухой кивок, и Илва жестом пригласила меня выйти на берег, где уже распласталась в сюрреалистично покорной позе черно-красная громадина. Илва смело, я бы сказала прямо по-хозяйски, прошла по расстеленному ковром кожистому крылу, подавая мне пример, и уселась в некое подобие очень богато украшенного седла между двумя костяными шипами, просунула руки в петли-крепления, закрепленные на переднем из них, и посмотрела на меня, предлагая занять такое же посадочное место перед собой.

Я ступала с осторожностью, чувствуя в основном робость от того, что ползу тут букашкой по такой махине, а уж в момент взлета и вовсе завизжала от лютого ужаса, потому как все внутренности ухнули вниз от мощнейшего рывка зверюги. Но спустя считанные секунды мне уже хотелось визжать от восторга. Я лечу на драконе! На драконе! Лечу! А вокруг расстилается огромный неизведанный, явно жутко опасный, но до дрожи прекрасный новый мир! Чокнуться можно. Эх, Кокс, почему ты не рядом в такой момент!

Глава 11

– Просыпайтесь, ваше величество, вашу драгоценную задницу доставили на место, – грубо пихнул я дрыхнущего Кокса в плечо, и он мгновенно вскинулся и ошалело заморгал, пялясь в лобовое.

– А повежливее нельзя, мудачина! – возмутился он сипло со сна.

– Вежлив я безусловно и всенепременно только с особями противоположного пола, а остальным это еще заслужить нужно.

– Придурок, – огрызнулся парень и открыл дверцу, выбираясь из машины и направляясь к ближайшим голым в раннюю весну кустам.

Мы добрались в нужное место спустя почти сутки пути уже в сумерках и решили оставить авто в последнем участке редколесья, за которым начинались сплошные открытые пространства полей, окружавших предположительное место жительства принца туатов, и кончалась нормальная дорога, становясь паршивой гравийкой. Очень продуманно выбранное место, нужно сказать, скрытно не подберешься, и есть вероятность, что стоит ждать и ловушек магических. Конечно, за столетия жизни в мире Младших проклятый мог расслабиться и не ждет нападения, но только дурак станет легкомысленно полагаться на это. Неспроста ведь видимый издали особняк окружен голыми ровными полями, ой не спроста.

Я тоже покинул салон, открыл багажник и извлек скатку из толстой мягкой кожи ухлона и стал ее разворачивать, собираясь вооружиться. Только настоящее железо для настоящего фейри. Хоуг и Фьярал занимались тем же у своей машины.

– Вы всерьез собрались воевать тут этими вашими стальными палками-махалками? А хоть один пистолет захватить мозгов не хватило? – пренебрежительно скривился вернувшийся Кокс.

– Чтобы мы снизошли до этого вашего оружия трусов? – огрызнулся Хоуг, которого человек раздражал так же, как и меня, вот только причины терпеть это отсутствовали.

– У тебя уже была возможность попытаться пристрелить фейри, и что-то ты не преуспел, – ткнул я придурка в очевидное, не собираясь однако посвящать его в тайну, что даже попади он, и обычные пули мало чем помогли бы.

– Потому что нужно было сразу тебе свинца в лоб залепить, а не разговаривать. Тогда бы не было у нас со Снежкой всех этих проблем.

– Поверь, момент невозврата вы миновали гораздо раньше, – ухмыльнулся я. Ровно тогда, когда я увидел мою ка-хог. – Но выстрелить в фейри отнюдь не значит попасть в фейри. Мы намного быстрее вас.

– Быстрее пули – не значит быстрее сотни пуль, – передразнивая меня, процедил Кокс. – Нужно всего лишь взять не пистолет, а автомат, и шмальнуть очередью.

– Приказ Богини – доставить туата живым. Так что, твой способ нам не подходит.

– Да вертел я вашу Богиню... – начал спорщик, но я остановил его предупреждающим жестом, а оба моих спутника вскинулись. Ну что за идиот, не чувствует, на что нарывается! То, что эти воины делили с ним продажных женщин совсем недавно, никак не мешает им запросто перерезать ему глотку за дерзкий язык. – Ладно, давайте и мне тогда парочку ваших ножичков что ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.